

НАРУШЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИИ ПРИ ШИЗОФРЕНИИ

Е.Ю. ЗАВЕРШНЕВА*

В статье обсуждается идея шизофрении как самостоятельной нозологической единицы; ставятся вопросы о критериях, которые позволяют выделить специфику шизофренического миропроекта, и о целостном понимании основной триады синдромов (аффективная тупость, атактическое мышление, абулия). В русле Dasein-аналитической психологии шизофрения рассматривается как особое расстройство, при котором поврежденной оказывается основа человеческого бытия – способность к трансценденции, открытость человека в отношении к миру. Представления Л.С.Выготского о природе шизофрении и особенностях шизофренического мышления сопоставляются с положениями экзистенциальной и Dasein-аналитической психологии, а также с идеями Л.Витгенштейна.

С тех пор как Э.Крепелин описал шизофрению в качестве самостоятельной формы душевных болезней, она остается загадкой как для медицины, так и для психологии. У психологов и психиатров нет уверенности, что общий термин «шизофрения» соответствует одной нозологической единице, а не целому комплексу расстройств, различных по природе и происхождению. Ее проявления столь многочисленны и зачастую так схожи с другими заболеваниями, что основную трудность представляет выделение ее собственной сути, ее «идеи». В психиатрии такую идею составляет классическая триада синдромов – аффективные нарушения («чувственная тупость»), абулия или парабулия (называемая также «дезорганизованным поведением» в зарубежной психологии), атактическое мышление («искажение процесса обобщения») (Сметанников, 1995; Клиническая психология, 2002; Andreasen et al., 1995). Однако известно, что данная триада не является обязательной: в каждом конкретном случае

* *Завершнева Екатерина Юрьевна* – канд. психол. наук, ст. преподаватель, факультет клинической психологии МГМСУ.

все три синдрома могут не наблюдаться. В частности, специфические расстройства мышления отмечаются, по данным Б.В.Зейгарник, в 67% случаев заболевания шизофренией, но и в группе психопатий этот показатель довольно высок – 33%. По данным А.Е.Личко, они имеют место только у 47% больных шизофренией (Личко, 1989, с.167-168). Наиболее сложными для понимания являются случаи простой шизофрении, при которых отсутствует продуктивная симптоматика и основные симптомы стерты, а также дебюты заболевания, иногда маскирующиеся под психопатии, реактивные психозы и др.¹ С другой стороны, психологический диагноз не является комментарием к медицинскому. Существует мнение, что отличие между ними заключается в том, что вместо констатации сочетания синдромов в данном заболевании психолог должен выявить причинные связи между ними, дать целостную картину и выявить логику возникновения именно этих симптомов в данной нозологической единице. Задача синтеза имеющихся представлений о шизофрении по сей день не выполнена, более того, она редко обсуждается в психологической литературе.

Проблема целостного понимания природы шизофрении разрабатывается, в частности, в рамках экзистенциального анализа и *Dasein-аналитики*² (Бинсвангер, 1999; *Экзистенциальная психология*, 2001; *Dasein-анализ*, 2001; Boss, 1975), где шизофрения рассматривается не просто как одно из заболеваний, пусть даже самое сложное, но как нарушение фундаментальных основ человеческого бытия (Хайдеггер, 1992; 1994). Шизофрения, пишет лидер *Dasein-аналитической* психологии М.Босс, явля-

¹ Еще З.Фрейд указывал, что чем ярче симптомы, тем курабельнее заболевание, поскольку они в данном случае не просто говорят, а кричат о своем символическом смысле. В аристотелевском понимании символ – половинка монеты или черепка, которая остается у человека на память об ушедшем друге. Символ – это договор, в который я вступаю с другим человеком в момент расставания. Характерный рисунок на моей половине индивидуален и к нему есть единственное дополнение, по которому я смогу узнать друга, даже если годы сильно изменят его внешность. Между симптомом и его смыслом устанавливается символическое отношение, поэтому если симптомы стерты (как в случае простой шизофрении) почти до прямой линии, то понимание затруднено.

² *Dasein-аналитика*, вопреки распространенному мнению, не является составной частью экзистенциальной философии или психологии. М.Хайдеггер, основатель этого направления в философии (М.Босс – его преемник в психологии), неоднократно «размежевывался» с Ж.-П.Сартром и другими экзистенциалистами (см. «Письмо о гуманизме» (Хайдеггер, 1993/) и даже со своим учеником Л.Бинсвангером (Хайдеггер, 1992, с.84). Последний, со своей стороны, признавал это разделение, что нашло отражение в названии подхода Бинсвангера – экзистенциальный анализ или иногда – *Dasein-анализ*.

ется «самым человеческим и, одновременно, самым нечеловеческим из всех страданий», в котором обнаженной выступает основа человека, его способность экзистировать, быть открытым опыту, принимать себя и мир, быть свободным, самоосуществляться (Босс, 1994, с.94-97).

Поскольку речь идет об основаниях человека, обратимся к метафоре, которая во многом продолжает определять его образ в Новейшей истории. Метафора часового *устройства* возникает на европейском севере в конце эпохи Возрождения и становится доминирующей в Новое время (о механодетерминизме см.: Петровский, Ярошевский, 1998). Если утопический южный Ренессанс склонялся к идее прекрасного сада (Рая), представляющего собой совершенный автомат, в котором техника была бы продолжением жизни, расширением ее границ, а человек – мудрым садовником (Бибихин, 1998а), то практичный север отдавал явное предпочтение идее хорошо отлаженного механизма, где каждый винтик находится на своем единственно возможном месте.

Анализируя полотна Питера Брейгеля Старшего, олицетворяющего искусство северного Возрождения, Отто Бенеш писал, что художник разворачивает перед нами особое зрелище мира как совершенного космоса, планетарной системы, в которой каждый элемент движется по своей орбите. Человек – один из таких элементов, причем не самый примечательный (разве что своей космической глупостью /картина «Фламандские пословицы»/). Вместе с тем, картины Брейгеля – это не только жесткий разбор человека: казалось бы, сниженные образы людей полны особой правды, тяжелые фигуры крестьян («Крестьянская свадьба»), вещественные, землистые, указывают на их укорененность в бытии, умение крепко стоять на ногах (Бенеш, 1973). Участники космической карусели следуют своей «наилучшей» судьбе, и чем тяжелее тело, чем дальше оно от центра, тем веселее полет. Крестьянская радость жизни на родной земле, быть может, бедной и каменистой, – вот откровение, которое Бенеш видит в работах Брейгеля. Он называет подобное отношение к миру *свободой*, которая не зависит ни от жребия рождения, ни от образованности или ума, ни от духовных и прочих богатств, и проявляется не столько вопреки обстоятельствам (иначе она была бы гримасой свободы, вынужденным весельем), сколько сама по себе: земная радость жизни у Брейгеля; легкая, одухотворенная – в итальянской ренессансной живописи. Однако наилучший из миров может с равной вероятностью оказаться и наихудшим, как это позднее показал Вольтер, заставив оптимиста Лейбница под именем Панглосса, профессора космо*ни*гологии, пройти через все мыслимые и немыслимые, а главное – бессмысленные – страдания в своем романе «Кандид». В диалоге Лейбница-Вольтера, пишет В.В.Би-

бихин, «не ожидается никакой смены мировоззрений. Мир продолжает быть такой, какой был всегда, приводящий в бешенство, в метафизическое безумие... Но поверх этого безумия, не распутав его, не видя разгадки... человек должен проглотить ком в горле и работать, вскапывать свой огород, написать книгу, роман «Кандид, или Оптимизм». Издеваясь над Лейбницем, Вольтер подает ему руку за верность бешенству и за упрямство против всякой очевидности» (*Бибихин*, 1998б, с.169). Какой бы ни была судьба, остается в силе удивительная способность мира вызывать ярость или счастье, и способность человека вынести, пропустить через себя эту ярость или радость, звучать, быть в мире. Механистическая картина мира в Новое время – это только половина правды, вторую половину составляет тайна одушевленного мира, развернутая Лейбницем в его «Монадологии», содержащаяся в декартовском положении о «свете истины», в его доверии к Богу.

Современная психология отчасти опирается на представление о человеке как техническом устройстве, которое может выйти из строя и которое можно починить с помощью *мастера*. В эпоху Нового времени таким мастером являлся Творец – идея, которая во многом утрачена к настоящему времени (как если не смысловая, то историческая доминанта). М.Хайдеггер замечал, что в эпоху современности антропоцентризм познания доходит до своего крайнего предела и *мастером*, в руках которого находится судьба человека и мира, оказывается сам человек. Говорить о произволе или безграничной свободе здесь не приходится, хотя бы потому, что к моменту своего рождения человек уже попадает на какую-то орбиту, в контекст, в ситуацию, где множество обстоятельств заранее сцеплены в прочную сеть (один из главных мотивов древневосточной философии). Такими обстоятельствами могут быть и семейное окружение (что ставит во главу угла психоанализ), и генетический код человека, в котором закреплена предрасположенность к определенным, в том числе душевным заболеваниям, на что обращает внимание медицина. Не в последнюю очередь это и глобальный исторический контекст – историческая эпоха, например, эпоха Новейшего времени, которая, по мнению Г.Зедльмайра, характеризуется распадом образа человека в результате постепенной утраты идеи Творца. Болезнь тоже может рассматриваться как особенное послание судьбы или ее жизненная задача.

Но когда речь идет о шизофрении, здесь появляется совершенно особое нарушение – повреждение в самой сердцевине бытия. Человек может быть с самого рождения «заземлен» наследственным заболеванием, и при этом пребывать в полноте бытия. Мелодия бытия – наше настрое-

ние, если это слово употребить не в специфически психологическом, а в его философском смысле, представленном у Мартина Хайдеггера. Человек утрачивает свою человечность, когда его настроенность исчезает, что, по-видимому, и происходит в случае заболевания шизофренией. Космос больше не звучащий мир, это механизм, в котором все происходит вынужденно, автоматически – холодный мир, в центре которого больше нет солнца, источника света и тепла. Мастер, сотворивший гигантские мировые часы, слишком далеко или он умер, как возвестил когда-то Фридрих Ницше, и бессмысленное тиканье приносит нечеловеческие страдания. Проснуться, умыться, убрать постель – ужас, который вызывают самые обычные действия, едва ли не последние обрывки мелодии бытия, реликтовое излучение космоса³. Тем не менее, ужас перед бессмысленностью жизни может переживать только человек, который еще помнит о том, что в ней когда-то был смысл. Его состояние говорит не об абсолютном отсутствии, но о лишенности, и все-таки человечности, хотя и сплюсненной до одномерного и всеобъемлющего ужаса. Когда уходит опыт страдания, остается метроном, отмеряющий пустое время.

Таким образом, мы можем очертить метафору, лежащую в основе миро-проекта (термин экзистенциального анализа) больного шизофренией, который становится *благородным автоматом*, поскольку он еще способен испытывать страдание и сохраняет смутную память о полноте бытия. Только на первый взгляд здесь можно обнаружить противоречие между 1) способностью *метронома* или *часового механизма* отмерять время и 2) теми базисными нарушениями, которые отмечаются при анализе темпоральности шизофреника. Если рассматривать время, исходя из представления о ведущей роли события (традиция, идущая от Аристотеля, Августина и получившая совершенно новое звучание в работах М.Хайдеггера), то объяснимыми оказываются все те симптомы, которые обнаруживаются при шизофрении, – циклическое, разорванное, ускользающее, смутное время личности, в особенно тяжелых случаях переживаемое как его мучительное отсутствие или полная остановка. В мире, где ничего нового не происходит, время не движется (см. об этом у Минковски и Бинсвангера в: *Экзистенциальная психология*, 2001/).

Часовой механизм, однако, может быть «почти» исправным. В ряде случаев когнитивная сфера оказывается сохранной (что имело место,

³ Вот свидетельство одного из пациентов Юджина Минковски: «Самые естественные вещи – опаснее всего. Их замысел очень умен и отвратителен. Все, что следует делать людям – это просто продолжать заниматься тем, что и всегда, – мыться, расчесываться, есть, ходить в туалет, – и все это обернется против меня» («Случай шизофренической депрессии», *Экзистенциальная психология*, 2001, с.246).

например, в случае Элен Вест, особенно трудном для анализа еще и потому, что при отсутствии продуктивной симптоматики пациентка была хорошо адаптирована к окружению, отличалась высоким интеллектом и обладала творческой натурой, что, казалось, только усиливало ее самоотчуждение). Это наблюдение опротестовывал, в частности, Л.С.Выготский, который писал, что сохранность познавательной сферы при шизофрении – миф; если из психологической системы изымается какое-то звено (в его трактовке – мышление как несущая всей конструкции, см. далее), система регрессирует, становится менее упорядоченной, хотя и складывается в определенный гештальт более низкого уровня (*Выготский*, 1984). Неисправность этого механизма, на наш взгляд, заключается не в поломке какого-то отдельного звена (что тоже может иметь место), а, скорее, в его общей «непригодности», невозможности выполнить свое назначение.

Еще одна метафора душевной болезни есть у Сальвадора Дали – жидкие, деформированные часы, утратившие точность – свою основную функцию, которые тем не менее остаются точными, отражая деформированное время мира. «Современная жизнь нивелирует все оригинальное и лишь все шизофреники храбро держат его знамя», – пишет Э.Кречмер. Выготский продолжает его цитировать: «Если мы из массы средних шизофреников выработаем полезные рабочие машины, то из немногих, лучших из них, мы создадим оригиналов, истинных мудрецов. Эта задача создать из постшизофреников снова личность, но не бледный дублет нормальных людей, а специфически шизофреническую личность, со всеми духовными оттенками этого типа, очень трудна. Она вознаграждает затраченный капитал врача лишь в лучшем случае, но зато тогда она полностью вознаграждает его, потому что среди шизофреников, как и среди других людей, мудрые составляют ничтожное меньшинство» (*Выготский*, 1995б, с.239).

Это высказывание примечательно по многим соображениям. Прежде всего, в нем отчетливо видна тенденция современного научного познания рассматривать человека как машину и уверенность в том, что психология (в лице самого человека – психолога) имеет на руках лицензию по проведению техосмотра и наладки этой машины⁴. С другой стороны, в этом же высказывании прослеживается тенденция видеть в шизофре-

⁴ Ролло Мэй пишет: «Наша культура построена на идеале технического приспособления и имеет так много разнообразных приемов, притупляющих отчаяние, которое возникает при использовании себя как машины», что возникает вопрос – не становятся ли психотерапевты «агентами культуры, чья задача – приспособить людей к этой культуре» (*Экзистенциальная психология*, 2001, с.195).

нии не только болезнь и утрату, но и *развитие* – развертывание определенной индивидуальности, претерпевающее срыв по ряду объективных причин. Уникальность этого развития в том, что больной шизофренией находится в ситуации короткого замыкания между Бытием и Ничто, – у нормального человека между этими двумя полюсами находится настроенное пространство, в том числе повседневное, обыденное, привычное. Шизофреник по отношению к человеку, устроившемуся в доме бытия, бездомный. Он поставлен в положение философа, который *не видит очевидного* и даже наоборот, *видит неочевидное*.

Ключ к здоровью находится в болезни – отмечает Выготский у Адлера. Быть может, шизофрения сама отчасти подсказывает ответ на собственные загадки. Тяга к чтению философской литературы, часто отмечаемая у шизофреников с высоким интеллектуальным уровнем развития, является не просто компенсаторным процессом, – она направлена на восстановление собственного существа в его полноте. Философы и шизофреники чем-то похожи друг на друга *с точки зрения общественности*: первых всегда подозревают в душевной болезни, у вторых ищут оригинальности и откровения. Сам больной своим поведением показывает, что ему важнее восстановить не столько витальные функции организма (характерное безразличие шизофреника по отношению к витальным потребностям, в том числе перед лицом непосредственной угрозы для жизни, отмечалось еще Э.Кречмером), сколько бытийные опоры. Философ же, в каком бы экзистенциальном отчаянии он ни находился, всегда полагает другой полюс в диалоге – мир, и продолжает этот диалог, тогда как речь больного обрывается за неимением собеседника.

К сожалению, данные особенности шизофренического мышления на практике часто относят к разряду «необоснованной тенденции к рассуждательству» и слишком быстро оценивают как «нелепый бред». П.Г.Сметанников констатирует: «Речь становится недостаточно конкретной, излишне витиеватой, они склонны чаще, чем прежде, и не по назначению пользоваться абстрактными выражениями», «пускаться в пространное пустое рассуждательство на отвлеченные, например, философские темы. Центральным феноменом нарушения мышления при шизофрении является атактическое замыкание, которое заключается в том, что в речи, высказываниях больных, нарушается закономерная координация элементов мысли, наблюдается объединение некоординируемых между собой представлений, сочетание несочетаемого ... объединение в норме не сочетающихся между собой чувственно-образных представлений и понятий. ... Вот пример такой речи: «Видимо, со смертью приходится будить

громом». В этой фразе налицо сочетание несочетаемого, в ней заключена очевидная бессмыслица, так как смерть и возможность разбудить взаимно исключают друг друга. Но сама фраза построена грамматически правильно, так как в ней чувствуются и главные и второстепенные члены предложения и даже вводное слово «видимо»». (Сметанников, 1995, с.175).

Весьма симптоматичный фрагмент. С одной стороны, за ним стоит некое убеждение в знании правильного сочетания слов, присущих правильной мысли⁵. Обретя такое знание, не только литература, но и философия тотчас же прекратили бы свое существование⁶. Повышенная частота употребления абстрактных терминов также не является признаком болезни, иначе мы могли бы дисквалифицировать и науку. Диагноз «атактическое мышление» П.Г.Сметанников мог бы поставить не только философу, но и поэту, использующему *неологизмы*, нарушающие правильные сочетания составных элементов слова. Неадаптивность – еще один из критериев атактического мышления. По этому пункту также следовало бы разграничить неадаптивность, присущую здоровому человеку, которая сопутствует творческому акту и любому трансцендентному переходу, и неадаптивность патологическую. Особенно показательным выглядит пример «очевидной нелепости», который указывает на глубочайшее совпадение между европейской и древневосточной философией по вопросу о родстве смерти и пробуждения. Смерть – это гром среди ясного неба жизни, который способен разбудить человека. Слово «приходится» из высказывания пациента также вполне уместно, поскольку ни один человек добровольно и радостно, без трудной работы приведения себя в состояние бодрствования, ответственного бытия (как говорил М.К.Мамардашвили – в вертикальное положение), не может смотреть смерти в лицо. Даже вводное слово «видимо» поддается интерпретации как указание на то, что знание о связи между смертью и громом неверифицируемо в пределах человеческой жизни. Конечно, высказывание, вырванное из контекста жизни-истории пациента, может быть истолковано как угодно, и за ним необязательно стоит напряженная работа мысли, тем не менее, абсолютно нелепым оно не является. Приведем только два афоризма Гераклита: «Смерть есть все то, что мы видим проснувшись, все же, что

⁵ Чуть ранее П.Г.Сметанников заметил, что мышление суть беззвучная речь. Чему посвящены несколько сотен страниц монографии Л.С.Выготского «Мышление и речь», если отношения между мыслью и речью столь просты?

⁶ Главный вопрос философии, видимо, самый нелепый – «почему мир есть, а не нет его?» Вопрос шизофреника тогда мог бы звучать так – «почему мира нет, хотя он должен быть (или был)»?

видим спящие – сон» (21 ДК) и «Человек – свет в ночи: вспыхивает утром, угаснув вечером. Он вспыхивает к жизни, умерев, словно как вспыхивает к бодрствованию, уснув» (26 ДК). Впрочем, Гераклит известен как один из самых одиозных философов, отличавшийся экстравагантностью, неадаптивным и дезорганизованным поведением, т.е. в лучшем случае «пограничником». В целом, по прочтении монографии П.Г.Сметанникова, возникает впечатление, что отечественная психиатрия не осведомлена о существовании такой дисциплины, как психология (Бог с ней, с философией), где специфическое слабоумие при шизофрении трактуется несколько иначе. Данный пример иллюстрирует ту пропасть, которая по-прежнему разделяет психологию и медицину, о чем пишет в настоящее время Г.Назлюян (*Назлюян, 2000*).

Оставив в стороне частности, нужно отметить, что те симптомы, которые проецируются на психологический уровень как «аффективные расстройства» (они напрямую сцеплены с «абулическими» и на разных языках говорят об одном и том же), представляются особенно важными при понимании шизофрении. Не случайно практически во всех работах по клинической психологии они считаются наиболее ранними, как в онтогенетическом, так и в онтологическом плане. «Самым ранним симптомом шизофрении является чувственная тупость», которая налицо уже тогда, когда «нет еще ни продуктивных симптомов, ни ассоциативных или волевых расстройств» (*Сметанников, 1995, с.173*). С другой стороны, именно аффективная уплощенность (эмоциональная тупость), рассогласованность, вычурность эмоций (при гебефреническом синдроме), отвержение близких, а также невнимание к чистоте своего тела (см. выше) оказываются прогностически самыми неблагоприятными признаками течения болезни, тогда как атактическое мышление и снижение уровня обобщений таковыми не являются и вообще могут отсутствовать (*Личко, 1989*). Характерно, что циркулярные формы заболевания (рекуррентная шизофрения, шизоаффективное расстройство), которые, как может показаться, приносят больше страданий, чем простая форма шизофрении, оказываются менее злокачественными. В этих случаях контакт с окружающим миром становится *одномерным*, когда человек разговаривает с миром на языке «одного чувства», с помощью только одного жесткого кода, или *пунктирным* в случае шубообразной шизофрении, но окончательно не утрачивается. Даже депрессия, при которой мир выцветает и вместе с тем несет угрозу, сохраняет, пусть даже в сниженной форме, присутствие мира в своем настроении. Возможно, поэтому депрессивный фон считается хорошим прогностическим признаком практически для всех форм

шизофрении – положение, высказанное McGlashan'ом. А.Е.Личко не согласен с ним только по отношению к шизоаффективному психозу (*Личко*, 1989, с.83), но и для данного случая выявлено некоторое правило: чем больше сходство с маниакально-депрессивным психозом по симптоматике, тем лучше прогноз (*op.cit.*, с.101).

Дефект, формирующийся в результате заболевания, прежде всего, является *расстройством личности и ее отношения к миру* (Л.Бинсвангер, М.Босс, Л.С.Выготский и др.). Это не парциальный дефект, который можно обойти с помощью компенсации через другие функции, но корневой дефект, который не исправить без восстановления «эмоционального» компонента, а по большому счету – опоры бытия, открытости, способности экзистировать⁷. Распад сознания и личности при шизофрении вызван исчезновением мира как Другого. Если сознание и личность – это полифония (М.М.Бахтин), диалог голосов, составляющих в норме множественность Я, основу ее развития (В.В.Петухов), диалог между Я и Ты⁸ (М.Бубер, Э.Левинас, Л.Бинсвангер), то при исчезновении другого полюса Я, а именно Ты (или мира, или Другого вообще), – рассыпается и само Я. Можно привести огромное количество примеров из мировой психологической литературы, где утверждается ведущая роль Другого по отношению к Я. Отечественная психология базируется на положении о том, что личность – это совокупность общественных отношений, интериоризированных способов поведения, мышления и др., принятых в обществе. Более широкая трактовка имеет место, например, в исследованиях феномена зонда (Bateson, Леонтьев и др.), которые показывают, что Я начинается там, где оно сталкивается с не-Я (см.: *Тхостов*, 1992). Как в классическом, так и в современном психоанализе Другой является основой Я, ее точкой отсчета – этот тезис особенно ярко выражен в концепции Ж.Лакана, который вводит положение о необходимости санкционирования Я со стороны Другого, о признании Я со стороны Другого как условия нормального развития Я (*Миллер*, 2004).

При отсутствии Ты, к которому можно было бы обратиться, исчезает важнейшая опора человека – речь. В отечественной психологии о том,

⁷ Л. Бинсвангер писал, анализируя случай Нади, известный по работам Пьера Жана, что «если бы она приобрела чисто интеллектуальное понимание (своего заболевания), – которое временами в таких случаях все же возможно, – она либо покончила бы с собой, либо, как показывает опыт, шизофренический процесс стал бы еще более тяжелым» (*Экзистенциальная психология*, 2001, с.483).

⁸ Психоанализ рассматривает его как диалог между голосами интериоризированного Другого (Мать, Отец) и собственным Я пациента, однако чаще всего он выступает как монолог доминирующего Другого.

что именно речь является важнейшим критерием «человечности», писал Л.С.Выготский⁹. Мы предлагаем обратиться к его анализу шизофрении с тем, чтобы найти в нем попытку целостного рассмотрения феномена шизофрении и соотнести его точку зрения с положениями экзистенциального анализа.

Проблема шизофрении не была центральной в творчестве Выготского, однако в его поздних работах она возникает в связи с исследованиями мышления, эмоций и личности. Выготский, ставя перед собой задачу – построить целостную теорию психического, выдвигает тезис о необходимости «синтеза интеллекта и аффекта». Этот высший синтез является труднейшей задачей не только для современной психологии, но и для каждого человека в течение всей его жизни. Шизофрения же является наиболее драматическим примером нарушения или даже разрушения этого синтеза, что влечет за собой и распад личности в целом.

Согласно одному из главных законов развития, который можно найти в работах Выготского, развитие и распад являются ключом друг к другу (*Выготский, 1995б, в*). В основе развития и распада лежат одни и те же закономерности, они лишь приобретают специфическое для каждого случая выражение. Поэтому любое заболевание может рассматриваться как срыв развития или регресс на предшествующие стадии. Как в случае нормального развития, так и в случае аномалий важна мотивация пациента, его желание изменить себя. Работы по дефектологии, на которые ссылается Выготский (в частности, исследования А.Адлера), свидетельствуют о том, что в дефекте заложены мощные силы для его компенсации, прежде всего – мотивационные ресурсы. Эти силы могут привести человека к сверхкомпенсации, то есть к «перелету» цели, когда он добивается даже большего, чем хотел бы и, казалось, мог добиться (*Выготский, 1995а*). Задача психолога заключается в том, чтобы привести их к реализации. Другое положение, которое следует здесь упомянуть: шизофрения – это распад личности, в «вершинной психологии» Выготского путь к пониманию шизофрении начинается сверху, от высшего в человеке. Сказанное не означает, что мы должны рассматривать шизофрению в отрыве от ее органической основы, но при анализе необходимо выделять ее психологическую специфику.

⁹ Интересно, что у него есть своего рода «психоаналитический двойник». Тезису Выготского о сознании как о динамической смысловой системе соответствует тезис Ж.Лакана «бессознательное структурировано как язык», который отражает ведущую идею З.Фрейда о смысловой природе невротического симптома и о динамике смыслов в бессознательном.

Анализ патогенеза шизофрении у Выготского представлен в ряде работ – таких как «Педология подростка» (Выготский, 1984), «Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства» (Выготский, 1995б), «О психологических системах» (Выготский, 1982б) и др. Он приходит к выводу, что шизофрения в психологическом плане представляет собой регресс на предыдущую стадию развития, которую в норме можно наблюдать у детей или архаического человека. В частности, у больного шизофренией обнаруживаются признаки комплексного мышления и другие черты регресса – особенности словообразования, строения эмоциональной сферы и др. Важнейшим нарушением при шизофрении, корнем заболевания, по мнению Выготского, является распад системной связи между мышлением и эмоциями. Когда мышление инволюционирует, эмоции также возвращаются в «первобытное» состояние. При утрате понятийного мышления разрушается та целостность, которую обеспечивает язык, конституирующий сознание человека. Понятия (и соответствующие им элементы мира) оказываются не связанными друг с другом, изолированными, порядок уходит не только из внешнего мира, который также распадается на отдельные фрагменты реальности, но и из внутреннего. Если сознание – это *динамическая смысловая система*, то при утере его несущего элемента – понятийного мышления, человек лишается опоры во внутреннем мире. Л.Бинсвангер пишет: «шизофренику так трудно подбирать слова для выражения собственного переживания, поскольку его *мир* ... настолько видоизменен, или даже дезинтегрирован, что он больше не находит “опорных точек”, к которым мог бы “прицепить” свой язык» (*Экзистенциальная психология*, 2001, с.458).

Как отмечал Л.С.Выготский, одно из главных нарушений при шизофрении состоит в том, что *человек перестает общаться речевым способом – не только с окружением, но и с самим собой* (Выготский, 1982б).

Можно продолжить его идею, предположив, что даже если шизофреник «правильно» (грамотно) употребляет слова, из них исчезает интенция, отношение к Ты, и язык становится мертвым языком. Разрушается основа диалога, в том числе внутреннего, и различные аспекты Я, голоса внутреннего диалога, становятся глухими друг к другу, высвобождаются и начинают вести автономное существование. Состояния, смыслы, эмоции теперь слабо связаны с речью, они уже никак не называются, они бесформенны и нестабильны¹⁰. При отсутствии оформленного Я локализация автономных голосов затруднена, поэтому они могут звучать «из-

¹⁰ Выготский писал, что шизофреника нельзя обидеть, назвав его «подлецом», – не потому, что он аморален, а потому, что это слово является для него пустым, и путь от понятия «подлец» к аффекту больше не существует (Выготский, 1982б).

вне» и иметь принудительный характер. Особенно ярко исчезновение мира и вместе с ним Я выражено при деперсонализационно-дереализационном синдроме. Проницаемой оказывается граница между мной и миром – человек, у которого распадается Я, уже не может отделить себя от окружения. Он беззащитен перед радиоволнами, чужими мыслями и другими тайными силами (параноидный синдром и синдром психического автоматизма). Выготский же, вслед за другими великими психиатрами, призывает видеть в этой картине не кучу битого стекла, а свою логику, которая в ней содержится в скрытой форме.

Самым разрушительным последствием распада психики является исчезновение *мира*, который становится *окружением*. Цитируя этот замечательный афоризм Гельба (который встречается в литературе неоднократно, в частности, у Экскуля) в «Педологии подростка», Выготский пишет, что данное заболевание обнажает разрыв в отношении человека к миру. Мышление работает усиленно, но бесплодно (во всяком случае, на первый взгляд), пытаясь уловить смысл, утекающий из мира, как вода из разбитого сосуда. Добавим, что интенсивность и отвага, с которой больные шизофренией могут погружаться в философию, в вопросы жизни и смерти, как будто отнимает душевные силы у реальной жизни «здесь и теперь». Вместе с отдалением мира обесцениваются отношения с людьми, начиная с самых близких (именно они представляют окружающий мир), распадаются и другие социальные связи. Выготский пишет, что многие спутники шизофрении, такие как подозрительность, жестокость или, наоборот, робость, напрямую (в том числе генетически) не связаны с шизофренией и являются ее вторичными проявлениями, следствием блокировки социальных контактов: они обратимы, если эти контакты будут восстановлены.

При всей эвристичности идей Л.С.Выготского нельзя не упомянуть и проблемные положения его концепции, в которой выделен некий общий механизм развития шизофрении, но не рассматриваются его специфические особенности. Это выражается в том, что для каждого патологического явления (шизофрения, истерия, афазия) анализ Выготского находит одну и ту же причину – распад мышления в понятиях, что дает все богатство симптоматики, от невротической до психотической. Выготский специально не обращается к анализу факторов, которые отвечают за специфику каждого заболевания¹¹, он лишь указывает основ-

¹¹ Это не входило в задачи цитируемых работ, поскольку они посвящены не анализу отдельных заболеваний, а связи между нормой и патологией (можно сказать, что анализ шизофрении представляет собой набросок или план, требующий дальнейших исследований).

ные признаки этих заболеваний, являющиеся следствием распада мышления. В случае шизофрении это разрушение межфункциональной связи между мышлением и эмоциями, в случае истерии – между мышлением и волей и т.д. Когда разум теряет руководящую роль, эмоции больного шизофренией становятся процессом, ведущим человека вслепую. Выпадая из интеллектуального синтеза, они утрачивают свой высший характер, перестают быть *высшей психической функцией*; в результате эмоциональная сфера оказывается бедной и сравнительно примитивно организованной.

Идеи Выготского не только многое объясняют, но и порождают ряд вопросов. Прежде всего – является ли распад мышления единственной отправной точкой для понимания патогенеза шизофрении? Особенности аффективной жизни шизофреника не получают полного объяснения, что отражает «интеллектуализм» теории Выготского (М.Г.Ярошевский), где психические функции анализируются с высокой колокольни мышления. Те функции, которые легче интеллектуализируются (память, внимание), первыми встраиваются и в научно-исследовательскую программу Выготского.

М.Г.Ярошевский, анализируя «Учение об эмоциях», пятисотстраничную рукопись, содержащую лишь критическую часть, пролегомены к теории эмоций, приходит к выводу, что не только ранняя смерть помешала Выготскому ее завершить. До конца жизни у него не было четкой идеи позитивной части исследования, кроме общих тезисов о том, что учение Спинозы может быть противопоставлено учению Декарта и положено в основу будущей теории эмоций. Проблема эмоций оказалась камнем преткновения для научной психологии и, сталкиваясь с ней, Выготский подчеркивает ее особую значимость. Он пишет, что глава об эмоциях должна стать важнейшей главой в психологии человека, а создание теории эмоций означает конец кризиса в психологии. Тем не менее, в цитированных выше работах эмоциям достается почетная роль «ведомого» процесса (патология возникает, когда примитивно организованные эмоции принимают на себя роль ведущего и подчиняют себе мышление), и только в поздних трудах появляется набросок интегральной единицы, в которой может быть достигнут синтез интеллекта и аффекта – «переживания»¹².

¹² Характерно, что в знаменитом учебнике «Патопсихология» Б.В.Зейгарник (Зейгарник, 1999) глава о нарушении эмоций отсутствует, об аффективности речь идет в связи с такими симптомами как, например, резонерство, которое обнаруживается в процессе решения все тех же задач на классификацию, то есть как бы в приложении к нарушениям мышления.

Выготский сравнивает спутанность сознания шизофреника, неопределенный характер его мышления с недифференцированными совокупными комплексами, которые «встречаются и в мире животных, и у нормального человека в его периферическом восприятии. Здесь моменты восприятия... и моменты эмоциональные тесно сплавлены друг с другом в одну психическую амальгаму» (Выготский, 1984, с.188). Не ясно, можно ли говорить о периферическом восприятии как о своего рода рудименте, который представляет доречевую стадию развития, когда восприятие еще не опосредовано речью, но в любом случае здесь мы видим регресс к онто- или филогенетическому прошлому, распад «восприятия в понятиях» (там же, с.191), или «эмоций в понятиях». Недостаточная дифференцированность функций – критерий, по которому зрелые психологические системы отличаются от незрелых. Другой критерий – работа мышления. По Выготскому, высшие синтезы образуются на основе понятийного мышления, когда психические функции (в том числе эмоции) интеллектуализируются и образуют новые связи на «новой основе» («Мышление и речь»). В случае относительной сохранности мышления при шизофрении и, тем более, высокого уровня интеллектуального развития такие синтезы как будто имеют место, но вместе с тем они отличаются от «нормы». В данном случае одного указания на регресс недостаточно – нужно понять, почему мы наблюдаем мучительный процесс потери себя и мира, а не возвращение детской радости от непосредственной встречи с миром. Почему эмоциональная сфера не просто примитивно организована, но и представлена, помимо аффективной тупости, преимущественно негативным полюсом (страданием, дисфориями, депрессиями), который экзистенциально насыщен и все еще является синтезом интеллекта и аффекта, попыткой понять то, что происходит.

Понятие «регресс» требует спецификации по отношению к шизофрении, без чего оно может оказаться слишком узким, так как при шизофрении мы наблюдаем не только процессы распада, но и своеобразное развитие. Вместе с тем понятие «регресс» шире, чем требуется. Под описание самого глубокого регресса в мышлении – синкретической стадии – формально подходит влюбленный человек, который не видит другой логики в мире, кроме логики сердца («эмоций»), но она поразительным образом объединяет мир, делает его целостным и сияющим в свете «идеи любимой». Влюбленный – антипод больного шизофренией, потому что он сам и окружающий мир выстраивается в *простое единство*. Короткий путь к нему лежит через логику сердца, а «эмоции» оказываются ведущим процессом в паре мышление-эмоции, и таким образом появляется высший синтез, который Аристотель называл «умным чувством»,

как бы в обход процессов абстрагирования и отвлечения (влюбленный не отвлечен, он при- или увлечен). Л.Бинсвангер пишет, комментируя одну из главных характеристик бытия человека – *настроенное пространство*: «Любовь, например, “связывает пространство”: любящий человек ощущает себя близким с любимым, несмотря на расстояние, потому что в пространственной модальности любви расстояние трансцендируется. Счастье расширяет настроенное пространство, вещи кажутся увеличенными (но это совсем не макроспия!)¹³. Печаль ограничивает настроенное пространство, а отчаянье опустошает его. При шизофреническом переживании настроенное пространство теряет свою согласованность либо прогрессирующим образом (как в случае Элен Вест), либо внезапно (это ... чувство конца света при некоторых видах шизофрении)» (*Экзистенциальная психология*, 2001, с.221).

Для шизофреника мир разрушается, расплывается, ускользает; для ребенка он всегда здесь и он узнаваем – несмотря на отсутствие понятийного мышления, «системы», ребенок узнает мир в том радостном «да», которое он говорит миру. Детское «нет» – это тоже узнавание и только потом отвержение. Проблема больного шизофренией, возможно, заключается в том, что он не в состоянии «сказать» ничего определенного – ни «да», ни «нет». Более сильное утверждение, содержащее расширенное представление о речи, заключается в том, что при шизофрении отсутствует свободная речь, *способность именования*, которая есть даже у неговорящего ребенка (см. о детском лепете как о способности именования в: *Бибихин*, 2001, с.144/). Системы, которые шизофреник изобретает для поддержания стабильности в отношениях с миром, напоминают письмена на воде или на песке, любое движение уничтожает их, даже если мышление остается на весьма высоком уровне.

Возможно, одна из главных причин коренится не в распаде мышления, а в более раннем процессе, которые психоаналитики называют доэдипальным. Речь идет о том, что Э.Эриксон называл базовым доверием к миру, формирующимся в первые месяцы жизни («Детство и общество»). Выготский писал, что эмоции – ведущая психическая функция в развитии младенца. Самая ранняя форма речевого мышления – синкрет – опирается на эмоциональное единство; объекты, входящие в синкрет, объединяются на основе общего впечатления от них, а не по каким-то объек-

¹³ Увеличены они, как бы сказал А.Н.Леонтьев, по личностному смыслу. Макроспия и микроспия могут соответствовать приближению и удалению феноменального мира; если имеет место патологическое восприятие, то эмоционально оно отнюдь не нейтрально, так как приближение – это возрастающая угроза, а отдаление эквивалентно охлаждению и утрате. – *Прим. Е.З.*

тивным признакам (*Выготский*, 1982а). Синтезирующая функция эмоций проявляется гораздо раньше, чем аналогичная функция мышления, в младенчестве эмоции фактически выполняют роль мышления. Перефразируя *Выготского*, можно сказать: в этом возрасте переживать значит мыслить¹⁴. Ребенок как будто определяется в отношении мира – сказать ему «да» или «нет», и его выбор впоследствии очень трудно изменить. Ряд особенностей больного шизофренией указывает на такое раннее нарушение развития (конечно, здесь возникает вопрос о соотношении органических и психологических причин заболевания).

Психоанализ, в частности, прослеживает некоторые психологические причины, что выражается, например, в понятии «шизофреногенная мать», которое объединяет комплекс свойств, присущих матери, провоцирующей у ребенка развитие шизофрении. Литературные данные об этом понятии достаточно противоречивы. Можно встретить описание типичной «матери шизофреника», которая проявляет черты паранойяльной акцентуации (*Личко*, 1985), – она вязка, подозрительна, холодна, при этом у нее часто наблюдается сверхпекающий стиль воспитания (идея *Фриды Фромм-Райхман*, развиваемая в настоящий момент, в частности, в работе *Parker*, 1982/). То есть она является «агентом» или заместителем холодного мира и к тому же не дает ребенку свободы выбора, поскольку не позволяет ему выйти из-под своего влияния. В будущем мир оказывается таким же навязчивым и отвергающим. Однако этот путь не обязательно, с нашей точки зрения, должен приводить к шизофрении, здесь возможна широкая картина не только психотических, но и невротических расстройств. Согласно другой интерпретации, главной особенностью данного материнского типа является неустойчивость и неопределенность в отношении к ребенку, отсутствие критериев, по которым он может понять причины направленных на него негативных и позитивных эмоций матери. Большое значение придается также неумению интроецировать эмоции ребенка, с тем, чтобы, пропустив их через себя, адекватно отразить их, привести в порядок, «в систему», вернуть ребенку его же переживания, обработанные собственным жизненным опытом. Если к этому набору присоединяются эмоциональная холодность и непринятие индивидуальности ребенка, жесткий авторитарный или попустительский стиль воспитания, то при наличии органической предрасположенности к заболеванию его течение значительно усугубляется.

¹⁴ Речь не идет о том, что мышление не развивается: если ведущей деятельностью является непосредственно-личностное общение (по *Д.Б.Эльконину*), то любая психическая функция, в том числе и мышление, развивается внутри эмоций и вслед за ними.

По мнению Г.Бэйтсона, в патогенезе шизофрении большую роль играют нарушения коммуникации по типу «double bind» (двойной связи), при которых, например, вербальное поощрение ребенка подкрепляется противоречащим ему невербальным порицанием. Другой вариант коммуникации («мистифицирующие советы») связан с настойчивым внедрением родительского мнения о том, что должен чувствовать ребенок, тогда как это мнение расходится с реальным самочувствием ребенка (*Куттер*, 1997, с.186-188). В любом случае ребенок получает рассогласованную информацию о себе (*Bateson et al.*, 1956)¹⁵. Следует отметить, что идентификация с матерью (или ее заместителем) происходит по типу *опоры*, и эмоции – основной носитель этой информации. Поэтому именно мать, создающая опору в виде доверия к миру, «ответственна» за патогенез заболевания в большей степени, чем отец (еще раз подчеркнем, что психоанализ имеет в виду не столько реальных родителей, сколько то символическое родительское место, которое может занимать даже вымышленный персонаж, например, литературный герой, с которым ребенок себя идентифицирует).

Мучительная неопределенность, о которой говорят больные шизофренией, безразличие к жизни, удивительная способность игнорировать свои витальные потребности, холодность, изошренная работа ума как поиск системы, порядка в мире – все эти проявления вполне могут быть поняты в свете тезисов, высказанных выше.

Неопределенное отношение к миру только по видимости контрастирует с ригидностью шизофреника, с его застывшим бытием (маскообразное лицо, бедная мимика, особенно при кататоническом синдроме). По определению Бинсвангера, «шизофренический процесс – это главным образом процесс экзистенциального опустошения или обеднения, в смысле возрастающего затвердевания («коагуляции») свободного «Я» до состояния бесконечно несвободного, самоотчужденного объекта. Шизофреническое мышление, речь, поведение – только частичные феномены этого базового процесса» (*Экзистенциальная психология*, 2001, с.485). Неопределенность и затвердевание – две стороны одной медали – переживаются как «внутренняя нестабильность и остановка развития» одновременно (*там же*, с.509).

Приведем ряд примеров. Считается, что аутичные дети по сравнению с другими детьми задают гораздо больше вопросов «почему», которые имеют навязчивый характер. В познании мира они не могут оста-

¹⁵ Следует отметить, что исследования пока не подтвердили, но и не опровергли гипотезу «двойной связи» (*Клиническая психология*, 2002, с.1020-1021).

новиться ни на одной версии и требуют все новых и новых точек опоры, чтобы хоть за что-то зацепиться. Систематизация (пускай и по второстепенному основанию), которой больной пытается подвергнуть мир, тоже поиск порядка – а это, в свою очередь, признак работы мышления. От нормального мышления его отличает, в частности, вязкость и стереотипность. Последняя также только на первый взгляд противоречит оригинальности шизофренического мышления, поскольку, когда система создана – будь то невротический симптом или психотический сценарий, например, бред преследования, – она берет своего создателя за горло и тот движется по замкнутому кругу, повторяя одни и те же действия. Как писал Ж.Лакан, симптом паразитирует на человеке. Неологизмы, которые, как нам кажется, по прямому недоразумению трактуются как негативные симптомы шизофрении (см.: *Сметанников*, 1995), на самом деле являются ее позитивными симптомами или симптомами-партнерами, по А.Стивенсу (*Стивенс*, 2004), поскольку это попытки быть в языке, причем быть творчески.

Стивенс описал трагический случай больного шизофренией, который создал себе такой партнер-симптом в виде навязчивого «хобби», связанного с темой насильственной смерти. Он соорудил некоторое подобие выставки в своем гараже, куда помещал все попадающиеся ему материалы о маньяках и серийных убийцах. С помощью этой деятельности больной на сравнительно длительный срок стабилизировал свое состояние и был социально безопасен, поскольку его агрессивные тенденции разрешались символическим образом. Однако бдительные соседи заинтересовались странным увлечением и сообщили о нем в полицию, которая в тот момент была занята поиском очередного серийного убийцы. Пациент оказался под следствием и был вынужден давать показания. Когда правосудие разобралось в ситуации, экспонаты ему возвратили, однако он не смог принять их назад – они были «запачканы», а партнер-симптом оказался разрушен. Этот человек не смог создать другой продуктивный симптом, агрессия превратилась в аутоагрессию, и через некоторое время он покончил с собой. В каждом из приведенных выше примеров виден мотив и определенная решительность (у Пауля Тиллиха – «смелость быть»), с которой он реализуется, хотя бы и в специфических, отклоняющихся от нормы вариантах. Эти поступки – еще проявление свободы, которая, тем не менее, для шизофреника является страданием.

Формулу поступка Людвиг Витгенштейн обозначает в виде простейшего предложения: «Все обстоит именно так и никак иначе» (см. об этом

у В.В.Бибихина /Ахутин и др., 2000/). Она же является формулой высказывания, которое у Витгенштейна, как и у Выготского, понимается как «слово, ставшее делом». Последняя часть этой формулы особенно важна: та определенность, в которой нам приоткрылся мир в нашем поступке, впервые предоставляет опору и свободу. До высказывания никакой свободы нет, – оно как бы отворяет дверь в новое пространство, где возможным становится бытие¹⁶. Если такого скачка к определенности не происходит, это ведет к застыванию, остановке, невозможности события. Отсюда и парадоксальное сосуществование признаков неопределенности, текучести и ригидности, фиксированности в миро-проекте шизофреника.

Данные тезисы можно развернуть, попутно осветив еще одну составляющую шизофрении – специфическое слабоумие или атактическое мышление. При этом обнаруживаются очень интересные параллели между идеями Л.С.Выготского, высказанными в «Мышлении и речи», и взглядами Л.Витгенштейна на природу мысли и речи.

Юджин Минковски в своем знаменитом «Случае шизофренической депрессии» анализирует один эпизод. Пациент указывает ему на букет роз: «Моя жена говорит, что они прекрасны, но насколько я понимаю, это всего лишь связка листьев, лепестков, стеблей и колючек» (*Экзистенциальная психология*, 2001, с.248). Здесь представлен яркий пример того, что Л.С.Выготский назвал комплексным мышлением шизофреника. Распад синтетического единства личности и распад мира идут рука об руку. Из мира исчезает его «добавочный» компонент, который и делает его миром, а не набором предметов – смысл или идея (эйдос), если вспомнить Платона. Люди, в особенности близкие, больше не воспринимаются «как существа, имеющие личную и индивидуальную ценность, они превратились в бледные, искаженные тени, мелькающие на задворках враждебности. Психическая жизнь во всей ее полноте исчезла, люди стали манекенами. ... Психические функции пациента утратили способность останавливаться и фиксироваться на границах объекта. Как он сам говорил, его ум немедленно шел дальше, быстро переходя от единичного объекта к бесконечности, <> он также разлагал на составные части любой объект, который встречался на его пути» (*там же*, с.246-247). В автоматическом мире не может быть не только времени, но и индивидуального, поскольку индивидуальность, новизна – это

¹⁶ Хайдеггер говорил, что, совершая переход к самому себе над бездной небытия, человек находится на мосту, который растет под ногами только тогда, когда по нему идут.

событие, решительная остановка при переборе возможных аспектов, преодоление автоматизма. Предметы рассматриваются «только с позиции их сходства» (*там же*, с.248), но не индивидуальности, особенно-сти. Сходство же атактическое мышление находит буквально во всем, активизируя «латентные признаки» (аналогично мышление «архаического человека» не допускает ничего случайного или нового, если оно жестко подчинено закону сопричастия).

Почему комплексное мышление не считается нормой? Понятие или определение существа объекта и его принадлежности к определенному классу вещей дается в философии посредством выделения общего признака (ближайший род) и существенного отличия (*definitio fit per genus proximum et differentiam specificam*), поэтому истинное понятие двухчастно. Данный тип мышления пытается ухватить только одну его составляющую и уже поэтому не является мышлением в понятиях. Но то, что имеется в виду под специфическим отличием, и есть сердцевина истинного мышления, с одной стороны, и один из самых трудных вопросов философии, с другой (см. Бибихин о проблеме тождества и ее понимании у Витгенштейна в: /Ахутин и др., 2000/). Согласно определению человека в европейской метафизике он есть *animal rationale*, мыслящее животное. Эта дефиниция содержит изначальную двойственность, в ее общей части говорится о животной, телесной, физической природе человека, а в той части, которая отвечает за специфическое отличие рода «человек», упоминается его способность к мышлению, его духовное бытие. Однако смысловой центр определения находится именно в его второй, мало проясненной части, и связан с вопросом «что значит мыслить?» Именно поэтому, возможно, Л.С.Выготский и выделяет в качестве того высшего синтеза, который определяет человека, *речевое мышление* и посвящает ему главный труд своей жизни. Он отмечает также, что «понятия ребенка были взяты более с общей, чем со специфической стороны» (*op.cit.*, с.292).

Специфическое отличие – то особенное и уникальное в каждом понятии, что остается недоступным шизофреническому мышлению и без чего вся связка признаков оказывается только мозаикой, комбинацией уже известных элементов, а роза – пучком шипов и листьев. Но истинное понятие – не набор признаков. Согласно гениальному определению Выготского, которое редко цитируется, утверждение о том, что мы мыслим в понятиях, означает: «мы заняли определенную позицию для нашей мысли, мы получили исходный ориентировочный пункт, мы испытываем готовность двигаться в любом направлении от этого пункта» (*Выготс-*

кий, 1982г, с.275)¹⁷. Для Выготского понятие не только структура или иерархия признаков, но также *путь*, и чем богаче понятие, тем больше путей оно открывает. Формулируя в «Мышлении и речи» закон эквивалентности понятий, Выготский пытается установить топологию пространства мысли. Он вводит представление о мере эквивалентности понятий, которая определяет сеть связей между понятиями, по которым мы можем двигаться «правильно», то есть, не снижая уровня обобщений (но и не повышая его, если речь должна быть конкретной). Таким образом, он выдвигает критерий для разделения нормы и патологии, который, как и в античной философии, связан с понятием *меры* и *уместности*, середины между крайностями абстрактной и конкретной мысли.

Однако здесь пути Выготского и Витгенштейна отчасти расходятся (отчасти – поскольку у Выготского можно обнаружить близкие тезисы, но уже не в «Мышлении и речи», а в апокрифическом «Докладе о сознании»). Для Витгенштейна нет и не может быть правильных путей, известных заранее, до акта мысли. По большому счету нужно предполагать, что мы употребляем слова каждый раз заново, и мера эквивалентности («логика» открывшегося пространства) устанавливается как следствие нашего решительного шага. Шизофреник не мыслит в собственном смысле слова не потому, что идет не туда или неправильным путем, а потому, что он не способен совершить первый шаг к определенности. Комплексное мышление шизофреника безостановочно и избыточно, как писал Выготский, в нем слишком много связей, одни формы перетекают в другие, это попытка охватить мир не умением, а числом (особенно показателен в этом смысле диффузный комплекс, описанный Выготским в «Мышлении и речи»). Годится все, что имеет признаки сходства. В истинном же понятии имеется привилегированный признак, который и определяет «лицо» понятия.

Мысль – проба мира, по Витгенштейну. В автоматическом мире все аспекты видения сменяются сами собой, тогда как школа мысли, которой является философия, наука, искусство, – это удержание единственного аспекта мира. С этими тезисами можно сравнить высказывание Ролло Мэя: «Под решением мы понимаем *решительное отношение к существованию*, установку обязательства. В этом смысле, *знание и инсайт следуют за решением, а не наоборот*», «Мы все время работали, считая, что

¹⁷ В другом месте – мысль это *то, ради чего* она высказана (с.358). У Витгенштейна – мысль изначально повернута к смыслу. Выготский говорит в большей степени о мотиве и о собеседнике, к которому обращена речь, Витгенштейн – о том, что слово – это стрелка к смыслу или событию мира (см. *Ахутин и др.*, 2000).

чем больше пациент узнает о себе, тем более правильные решения он будет принимать. Но это верно только наполовину. Другую половину правды обычно не видят, то есть не видят того, что *пациент не может позволить себе инсайт или знание о себе, пока не будет готов решить, не займет решительную позицию в жизни*» (*Экзистенциальная психология*, 2001, с.196, курсив Р.М.).

В идее готовности и решительного праксиса (Р.Мэй подчеркивал, что его не следует путать с активизмом) заложено то единство, которое мы видим нарушенным при шизофрении и которое проецируется на психологический уровень в виде деформации трех ипостасей *воли, эмоций и мышления*. Невозможность совершить пробу мира, ответить на его вызов своим настроением, мыслью и является тем фундаментальным нарушением, которое характеризует шизофрению как самостоятельную «нозологическую единицу».

Метафора сада и садовника, упомянутая в начале статьи, представляется нам более плодотворной для психологии, чем идея механизма (см. также: /*Завершнева*, 2004, гл. 7/). Действительно, земля бывает разной, в том числе скудной и безводной, но поскольку это *земля*, на ней все-таки можно что-то вырастить, если вложены знание и труд. Земля здесь символизирует телесный аспект как не-обходимое условие бытия человека. Данные близнецовых исследований свидетельствуют в пользу эндогенного характера шизофрении (*Клиническая психология*, 2002)¹⁸, хотя очевидно, что нужно говорить о ее полиэтиологии (см. *Кербиков*, 1962, с.16). *Dasein-аналитика*, со своей стороны, заявляет о попытке целостного понимания бытия человека, включающего также уровень телесности, причем в ней не возникает классической для психологии психофизической проблемы (*Dasein-анализ*, 2001). Это направление известно по большей части анализом индивидуальных случаев и во многом является обещанием на будущее. Конечно, никакая система аргументов, философская или психологическая, не даст человеку гарантии, что он находится в раю прекрасного сада или, наоборот, в аду неисправного часового механизма. *Dasein-аналитическая* психология напоминает о том, что для восстановления у больного шизофренией способности быть собой мало одной лекарственной поддержки – необходимо обращение к фундаментальным опорам человека в мире, без которого мы рискуем наладить работу орга-

¹⁸ В пользу экзогенного происхождения высказывается П.Г.Сметанников (*Сметанников*, 1995). В самом деле, если согласно близнецовому методу на наследственный фактор приходится 50% вариаций, то не меньший процент падает на долю экзогенных факторов.

низма, адаптировать его к окружению, но при этом потерять самого человека.

В заключение хочется отметить, что трудности вхождения отечественного психолога в диалог с *Dasein-аналитикой* отчасти вызваны отсутствием русскоязычных изданий ближайшего ученика М.Хайдеггера Медарда Босса, который известен не только как философ, но и как практический психолог, в том числе как клинический психолог и психиатр. Российский психолог лишен возможности увидеть «как это работает», поэтому многие теоретические положения *Dasein-аналитики* висят в воздухе. Ввиду той масштабной заявки, которая сделана в доступных нам статьях, хотелось бы надеяться, что и другие тексты, в том числе фундаментальный труд М.Босса «Очерк феноменологической медицины и психологии», когда-нибудь увидят свет на русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахутин А., Бибихин В., Пятигорский А. Философия на троих. Рижские чтения. Рига, 2000.
- Бенеш О. Искусство Северного Возрождения. М., 1973.
- Бибихин В.В. Новый Ренессанс. М., 1998а.
- Бибихин В.В. Слово и событие. М., 2001.
- Бибихин В.В. Узнай себя. СПб., 1998б.
- Бибихин В.В. Язык философии. М., 1993.
- Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999.
- Босс М. Влияние Мартина Хайдеггера на возникновение альтернативной психиатрии // Логос, 1994, № 2.
- Выготский Л.С. Дефект и сверхкомпенсация / Проблемы дефектологии, М., 1995а.
- Выготский Л.С. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства / Проблемы дефектологии. М., 1995б.
- Выготский Л.С. Мышление и речь / Собр. соч. Т.2. М., 1982а.
- Выготский Л.С. О психологических системах / Собр. соч. Т.1. М., 1982б.
- Выготский Л.С. Педология подростка / Собр. соч. Т.4. М., 1984.
- Выготский Л.С. Проблема развития и распада высших психических функций / Проблемы дефектологии. М., 1995в.
- Завершнева Е.Ю. Проблема кризиса в современной психологии: историко-методологическое исследование. Канд. диссертация, 2004.
- Зейгарник Б.В. Патопсихология. М. 1999.
- Кербиков О.В. Шизофрения как нозологическая проблема // Шизофрения. М., 1962.

- Клиническая психология* / Под ред. М.Перре, У.Бауманна. СПб., 2002.
- Куттер П. Современный психоанализ. СПб., 1997.
- Личко А.Е. Подростковая психиатрия: Руководство для врачей. М., 1985.
- Личко А.Е. Шизофрения у подростков. Л., 1989.
- Миллер Ж.-А. О новом / Московский психотерапевтический журнал. 2004, № 3.
- Назлован Г.М. Очерк состояния современной психиатрической практики / Московский психотерапевтический журнал, 2000, № 3.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
- Сметанников П.Г. Психиатрия. СПб, 1995.
- Стивенс А. Психоаналитическое образование / Московский психотерапевтический журнал. 2004, № 3.
- Тхостов А.Ш. Субъект и бессознательное / Бессознательное, его открытие, его проявление. От Фрейда к Лакану. Европейская школа психоанализа. Коллоквиум московского круга, 1992.
- Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
- Хайдеггер М. Из бесед с М.Боссом // Логос, 1994, № 4.
- Хайдеггер М. Цолликонеровские семинары // Логос, 1992, № 3.
- Экзистенциальная психология. Экзистенция. М., 2001.
- Andreassen N.C., Arndt S., Alliger R., Miller D. & Flaum M. (1995) Symptoms of schizophrenia: Methods, meanings, and mechanisms. *Archives of Gen. Psychiatry*, 52, 341-351.
- Bateson G., Jackson D.D., Haley J. & Wickland J.W. (1956). Towards a theory of schizophrenia. *Behav. Science*, 1, 251-264.
- Boss M (1975). *Grundriss der Medizin und Psychologie*. Bern; Stuttgart; Wien.
- Dasein-анализ в философии и психологии*. Под ред. Г.М.Кучинского, А.А.Михайлова. Минск, 2001.
- Parker G (1982). Researching the schizophrenogenic mother. *Journ. Nerv. a Ment. Dis.* Vol 170, № 8, 452-462.